

К. Бальмонт

Завет воли

(Альфред Теннисон)

Бальмонт К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. / Сост., вступ. ст. и коммент. Д. Г. Макогоненко
М., "Правда", 1990
[OCR Бычков М. Н.](#)

Скоро минет сто лет, с тех пор как в английской поэзии возник мелодический голос, редкостная певучесть которого, после Шелли и наряду с Шелли, отличается качествами единственными. Несмотря на то что много в Англии было поэтов с необыкновенно развитым чувством музыкального ритма, Блэйк, Кольридж, Ките, Данте Россэти, Суинбэрн, Уайльд, и сколько еще других,-- таких, музыкантов в поэзии, как Шелли и Теннисон, было только двое. Ибо воистину их колдовской стих всегда поет и угадывает, не подозревавшиеся раньше, гармонические сочетания ворожащих слов. Стих Шелли более вселенский, космический, стих Теннисона более человеческий, но в области чисто человеческих ощущений он достигает такой прозрачности выражаемого в напеве чувства, что оно, как и у Шелли, опрокидывается в такую зеркальность, которая становится идеально-духовной, как бы переходит в иной план бытия, в область овоздушненную, где по голубому полю неба и по хрустально-прозрачному откосу воздуха ходят, по-нашему страстные, но не по-нашему легкие духи.

Теннисон быстро завоевал славу. Он слишком английски-нежен и английски-тонок, чтоб не подойти сразу, прямо, вплоть к английским сердцам. Еще Эдгар По был одним из первых его восхвалителей и в своем ясновидении точно увидел, что возник новый гениальный поэт. Позднее Теннисон стал поэтом-лауреатом, он был увенчан всем народом, как был увенчан отдельными тончайшими ценителями поэзии. Слава его не вянет и теперь, и увянуть ей не суждено.

Окруженный любовью, овеянный созданной другими и самоосознанной славой, овеянный и вечно живительным духом всегда творящего Моря, Теннисон жил на острове, в счастливой отъединенности и в той обстановке художественных мыслей и настроений, которая является для поэта наилучшим условием нетревожимого творчества и душевного покоя. И, однако, в поэзии Теннисона много грусти. В одной из своих поэм, "Locksley Hall", он восклицает:

Здесь у бухты проходил я и питал свой юный сон
Зачарованностью знания, долгой сводкою Времен.

И вот как будто над ним оправдалось древнее слово, гласящее, что в многом знании много печали, а долгая сводка Времен, проводя перед его душою все разные верования и многообразные панорамы прошлого, внедрила в его душу ту красивую печаль, какая напояет нас, когда мы долго слушаем повторный голос Океана, и смотрим в синие его дали, и видим новые его дали, и все новые дали, и далекую его недоступность. В трех лучших поэмах Теннисона, самых ярких и выразительных, "Странствия Мальдуна", "Вкушающие лотос" и "Волшебница Шалот", сквозит глубокая грусть и предельная усталость души. Миновал Остров Молчанья, Остров Криков, Остров Цветов, Остров Плодов, и Остров Огня, и Остров Щедрот, и Остров Колдуний, и Остров Двойных Башен, и Остров Святого, витязь древней ирландской легенды, Мальдун, который выехал в путь, чтоб отомстить убийце своего отца, увидел наконец заклятый остров, где на взморье стоял убийца, но Мальдун не захотел злое гасить злым, он безмолвно проплыл мимо и вернулся на свой родной остров только с горстью угрюмых бойцов и с великой усталостью души, кочевавшей без конца и не хотящей больше ни волнений, ни борьбы.

Эта поэма -- как картина величественного пожара, явившего многокрасочную полноту жуткого зрелища, пожара, сжегшего все вещество, из которого творил огонь свои кратковременные и зловещие видения, -- и вот сожженная душа молча смотрит на вчерашний театр созерцания, на обугленное мертвое пожарище. Живой душе тут нет исхода.

Еще безнадежнее внутренний смысл поэмы "Вкушающие лотос". Моряки приплыли к Острову Лотофагов. Эти бледнолицые тени древней саги дали им душистых плодов колдовского растенья. Кто этого отведал плода, для того все звуки становятся отдаленными, все слова невнятными, все образы